Свидетельство о покаянии. Брат А. М. Гантовник

Мне предложила сестра поделиться своими мыслями, кто я такой и с чего началось моё приближение к Богу. Меня зовут Аркадий Гантовник. Я уже в таком солидном возрасте, я с сорокового года.

Вопрос сестры: Вчера на собрании вас поздравляли с днем рождения и сказали, что у вас их два. Что вы можете сказать по этому поводу?

Аркадий Михайлович: Дело в том, что когда паспорт выписывали, там на 10 дней сделали ошибку и написали вместо 22 июня, 12 июня. Поэтому по-настоящему у меня 22 июня (1940 года).
Когда мне предложили, я начал размышлять об этом. Чем бы с вами поделиться, чтобы это было прежде всего полезно для слушающего, как для верующего, так и для неверующего. Я жил без Бога почти 39 лет. И какую направленность я хочу иметь в том, чтобы поделиться с вами о том, какой Бог премудрый! Я все больше и больше начинаю восхищаться Его премудростью. Как через мои неразумные действия Он меня приблизил к Себе? Думаю, что это очень полезно и может быть особенно неверующему человеку, чтобы он немножко задумался и увидел по своей жизни, как Бог хочет приблизить к Себе.
Я начну с того, что я жил в Ташкенте, ну где-то мне было лет, может быть 16-17, почему-то в голову мне пришло заниматься музыкой, и сейчас бы я это не объяснил, что-то на меня повлияло, и причём я захотел играть на скрипке. Я никогда скрипачей не слышал, на скрипичные концерты я не ходил. Что повлияло на меня, что я на скрипке заниматься (начал), я бы сейчас это не смог объяснить. У меня был дядя музыкант хороший, Зиновий Аркадьевич, как пианист, он имел связь

с музыкантами и нашёл мне хорошего преподавателя, концертмейстер оперного театра в Ташкенте Михаил Церинский. Очень хороший музыкант, первая скрипка в оркестре оперного театра Ташкентского. Я к нему стал ходить на занятия. Несколько месяцев я поиграл, ну может быть, семь-восемь месяцев я поиграл, а потом надо было пойти летом на отдых. А я с ранних лет приобрёл чувство потерянного времени и у меня (оно) было очень сильно развито. Я не хотел на три месяца идти, так сказать, на отдых. И сразу нашёл себе другого преподавателя. Он преподавал в музыкальном училище. Тоже хороший скрипач, Наум Ефимович Повер, я у него несколько месяцев позанимался, не помню сколько, ну может быть три-четыре месяца, и поступил в музыкальное училище. Я помню, играл Двадцатый концерт Виотти (*Джованни Баттиста Виотти 12.05.1755 - 03.03.1824, композитор, инструменталист, педагог. Его концерты служили образцом для композиторов. Даже Бетховен, создавая концерт для скрипки, ориентировался на Двадцатый концерт Виотти*), поступил в музыкальное училище на скрипку. У меня неплохо дела шли с музыкой, хотя я в детстве никогда не занимался. Я меньше года позанимался и поступил в музыкальное училище.
Я хочу еще раз напомнить, что Бог буквально всё это использовал для того, чтобы я к Нему приблизился. Может быть, даже ещё раньше, но я сегодня именно об этом рассуждал.
Я прозанимался в училище два года на скрипке. Потом устроился на работу в цирк. Я играл на скрипке в цирке, ну как говорят, немножко захалтурился и немножко расслабился я, по отношению к скрипке. И меня потянуло совершенно на другой род занятий. На теоретический класс я поступил, стал играть на фортепиано. Довольно неплохо стал играть на фортепиано, как теоретик закончил музыкальное училище и поступил после окончания сразу же в Ташкентскую консерваторию. Там проучился немножко. Почему мне пришла мысль уехать из дома? Что мне было плохо дома? У меня родители были, там инструмент был, и прекрасная квартира, я занимался в Ташкентской консерватории, она была довольно высокого класса, и композитор у меня был преподаватель, хороший, и класс композиторский был высокий. Я бы сейчас не мог бы сказать, почему меня потянуло из дома, и почему обязательно в Новосибирск, на это я не могу себе ответить. Теперь-то я понимаю, что это желание у меня было от Господа. И я даже скажу из Библии, один из центральных текстов Книга Плач Иеремии 3:37. Этот текст стоит как бы вопросом:

> 37 Кто это говорит: «и то бывает, чему Господь не повелел быть»?
> Плач Иеремии 3 глава — Библия: https://bible.by/syn/25/3/

Никогда не только не говори, но даже чтоб мысли (такой) в голове не возникло, что с тобой что-то произошло и это не Господь повелел. Я ещё раз прочитаю этот текст. Кто это говорит? Кто это такой неразумный говорит, что с ним что-то произошло, а это не Господь повелел? Вот теперь я как бы плёнку жизни откручиваю назад, на много лет назад. Мне было 20 с лишнем лет, а сейчас уже 68.
Как я уехал из дома? Переехал в Новосибирскую консерваторию, перевёлся к одному из лучших преподавателей, Муров был такой у нас преподаватель по композиции. И вы знаете, домашние условия у меня были не просто плохие, надо сказать ужасные. Я жил в сарае, где даже печки не было. Но летом, весной, осенью это не чувствительно, а зимой градусов - 25, а иногда и - 30. И у меня и печки нет. И я там жил один. Думаю сейчас: "Как это было неразумно, как это было глупо уехать из Ташкента, где тепло, где родители, полный уход за мной". Я ещё раз хочу повториться, что всякое неразумное действие, даже безумное действие, бестолковое действие, и всё-таки

через это Бог направляет к Себе. Какая Его премудрость!
Скажу вам, что я проучился там несколько лет, и теперь я хотел бы очень личной жизнью поделиться с вами. Я проходил по парку, не помню откуда я шёл и куда, смотрю, сидит девица какая-то. Ну грешник есть грешник, я ж неверующий человек. Как получилось, что я сел около неё, как-то мы познакомились, что-то мне в ней понравилось. И она стала очень близкой ко мне. Я оставил её у себя жить. Прожили мы довольно долго. Я в общей сложности прожил в Новосибирске 9 лет. И мы прожили с ней года два, может быть больше. А потом я говорю:
- Оля! Давай, может быть распишемся?
Никакой свадьбы у нас не было. Ну грешник есть грешник. Она не против, мы с ней расписались. Я закончил консерваторию. А за это время, пока я учился в Новосибирске, мои родные переехали из Ташкента в Самару. Я хочу сказать ещё об одном неразумном действии, и я сейчас бы опять никак не мог дать бы объяснение этому действию с моей стороны. Я к Новосибирску привык. За девять лет мне этот город нравился, там очень много друзей и друзей по музыке. И поехать в город, который я не знал и никогда там не был, я это могу объяснить только тем, что Господь повелел мне. Хотя я и неверующий был и Бога не знал, но Господь повелевает и неверующим, не только верующим. Задумайся об этом, слушатель, Господь повелевает и тобой, с тем, чтобы к Себе приблизить.
Я приехал в Самару, ни нитки, ничего у меня нет. Мне надо как-то работать, чтобы заработать на квартиру. Я начал усиленно работать и заработал себе на трехкомнатную квартиру. И мы с Ольгой неплохо жили. И как-то в один день мне Оля говорит:
- Я никогда не была на курорте. Мне хочется поехать на курорт.
Я говорю:
- Никаких проблем, только пойди свяжись с медициной, чтобы они тебе какую-то там курортную карту выписали.
Я её проводил в больницу. И помню, она вышла ко мне, вся бледная, трясётся. Я говорю:
- Оля! Что с тобой?
- Пойдём отсюда быстрее!
- Ну, пойдём, на тебе лица нет, в чём дело?
- Пойдём быстрее!
- Ну, давай еще быстрее пойдём. Ну ты хоть поделись, что такое.
И кое-как я из неё вытянул. Оказывается, она, когда встала на рентген, там были служительницы в халатах, их две. И одна как-то очень неосторожно на ухо другой сказала: "Смотри, какая молодая, а уже рак". А Ольга подхватила и выскочила оттуда.
Я ещё и ещё раз хочу сказать, ещё раз через Слово Божие, чтобы Слово Божие зашло в ваше сердце - Бог повелел. Да, Бог повелевает не только верующим, но и неверующим. Вот так Бог повелел, и она захотела на курорт. Бог повелел! И оказывается у неё болезнь, а всё это для чего? Только к Себе направляет.

Вопрос сестры: А у неё ничего не болело до этого?

Аркадий Михайлович: Ничего абсолютно у неё до этого не болело. Она совершенно была здоровая. Она не знала в какой стороне у неё сердце, или где почки и печень. Была абсолютно здоровый человек. Но когда Господь хочет к Себе направить, тогда можно ожидать всякую

неожиданность.
Ну и что ж, теперь она больная. Но я её любил и жалел. Я спрашиваю у служителей в белых халатах: "Когда будет ее конец?" Мне сказали: "Весной зароешь". Я сильно-сильно перепугался. И дело дошло до Кремлёвки (кремлёвская больница), и там приобрели метатриксат, очень дорогой препарат. Семь кубиков ей влили, а восемь уже смертельно. И я её буквально стал заливать гранатовым соком, морковным соком. Каждое утро я на рынок стал ездить. Мне сказали, что очень нужно в таком состоянии, организму печёнка, причём почти сырая, чуть-чуть на сковородку и буквально несколько секунд, и снимать и почти сырую, чтобы она ела. И каждое утро я на рынок ездил и эту печёнку привозил. Орехи грецкие без числа кушала. И вы знаете, первая весна прошла, вторая весна. И только на третью весну, 31 марта, я ее потерял.
А теперь я опять возвращаюсь к своей основной теме, что Бог повелевает не только Своим детям, нет! Бог повелевает и неверующим. И такие мы иногда безрассудные поступки делаем, просто можно сказать даже чистое безумие. Но безумие Бог использует премудро и направляет к Себе.
Мне её жалко стало, как не проснусь, она плачет, плачет. Ночью трогаю глаза, на них слёзы. Ну что делать? И какой-то поворотный момент моей жизни наступил. Я вам скажу, почему я его называю поворотный. Мне её сильно жалко было, и как-то мне её захотелось успокоить. А я, краем уха, слышал, не знаю где, я от Бога был очень далёко, весьма далёко. Я был научен, что религия — это опиум, дурман и сивуха, у меня отец вообще был коммунист, у него и брат родной коммунист. Мать у меня была безбожница, мы никогда даже понятия не имели, чтобы какую-то книжку приобрести по религии. Мы очень были далеки. У меня сестра была родная, она на полтора года старше меня, сейчас она живет в Иерусалиме уже несколько лет. Отец у меня там же умер в Иерусалиме, ему было около 92-х лет. Так он совершенно безбожник и умер. И теперь мне почему-то в голову пришло, что религия, как бы даёт ложный покой. Она как бы успокаивает. Ну как? Каждое утро, каждый день она плачет, ну как мне её успокоить? Я попробую её все-таки обманом успокоить. Я слышал, что действительно религия, это дурман, опиум. Ну сколько же я могу терзаться её плачем. И уже в голове держал вот такую мысль, что я всё-таки её обману Иисусом, обману её Христом. Ну, сколько я могу смотреть на её заплаканные глаза?
Когда Господь увидел, что у меня такое решение, а мы с ней пошли гулять по микрорайону, и обратите внимание, что только в 39 лет Господь мне уже конкретно послал человека. До этого, в течение 39 лет, я вообще ни с одним верующим никогда не сходился, я их просто не знал. И как только мне эта мысль пришла - успокоить её через религию, буквально через несколько дней... А у нас были две собачки Чапа и Айгуша, очень маленькие, и мы с ними прогуливались по микрорайону, и вдруг совершенно неожиданно подходит человек, знаете, такого романтического склада, на левой руке у него плащ, и задаёт такой вопрос, ну так не принято подходить к людям, чужим, и задавать такие странные вопросы. А вот Бог его направил, теперь же я это понимаю. Он подходит и задает такой вопрос:
- Молодые люди! В чём счастье?
Вы знаете, я как-то хотел от него отвязаться, вот прицепился ко мне - "в чём счастье?" И чтобы как-то прекратить с ним всякий разговор, я просто ему сказал:
- Внутренний покой.
И вы знаете, он как загорелся, буквально как силовой приём, что ли, посадил меня на скамейку. И вы знаете, что он стал говорить? Он стал читать духовные стихи. Кого он читал я не знаю, я никогда не читал духовных стихов. Об Иисусе стихи. И я задумался, и какие умные стихи. Я всё-

таки человек образованный был, я немножко понимал поэзию, и как-то долго-долго и сыпит, и сыпит, и сыпит. Вот какая память у него интересная. И немножко поговорили, и он мне дал адрес, переулок Специалистов в Самаре, там собирается община, он не сказал, кто там, чего, просто дал мне адрес. Я не особенно этот адрес запомнил, и вообще я и не понимал, что это от Бога. Ну как-то вот запомнил, переулок Специалистов, ни номера, ничего. А потом все-таки думаю: "Нет! Надо ее отвезти в церковь, чтобы немножко ей голову как-то поморочить религией". И мы пошли в православную церковь. Пришли туда, посмотрели эти иконы, на эти изображения посмотрели, но ничего нас там не удержало. Эти картинки, эти иконки, мы оттуда ушли совершенно пустые. А это утром было. А вечером, всё-таки опять ко мне эта мысль: "Нет! Надо найти этот переулок Специалистов". Как искали, я уже не помню, нашли этот переулок. Теперь стали спрашивать: "А где тут собираются верующие?" Нам подсказали. Мы пошли на верхний этаж по винтовой железной лестнице, зашли, смотрим, там небольшое помещение, может быть человек 150, максимум 200. Мы так посидели, а я был очень далёк от Бога и Ольга и я, ну как-то мне стало близко эта атмосфера. Я не помню кто и о чём там говорил, но мне понравилось там быть. Пришли мы домой, и я помню, как сейчас Ольге говорю, жене своей, показываю пальцем на телевизор, и говорю:
- Оля! Вот это нам будет мешать.
Но она плечами так пожимает, она была кроткая, она слушалась меня, и я её слушался, и мы так хорошо жили. Она пожала плечами, я взял этот телевизор и, как сейчас помню, на пятый этаж отнёс Антонине Васильевне. Я ей сказал, что он нам будет мешать. Я уже понимал, что когда приближаешься к Богу есть вещи, которые будут мешать, даже чтобы её обмануть. Я всё-таки не сразу перестроился, что действительно религия — это истина. Я все-таки думал немножко ей голову заморочить, чтобы она поверила в эти сказки, что-ли, и немножко успокоилась. Пришло время, мы пошли на второе собрание. А теперь я вам скажу, что произошло на втором собрании. А на втором собрании произошёл такой слом моей жизни. И я помню, поскольку я музыкально очень восприимчивый, запел хор, я не помню, какой хор он запел, и вы знаете, я понял, что я грешник. И пока пел хор, никто никого не призывал. Я и не знал, что такое призывная проповедь. Я не знал, что вообще верующие призывают кого-то каяться. Я вообще этого ничего не знал. Я как сидел на стуле и все сидят, и я сижу, а я потихонечку сползаю, На оба колена встал, я молиться не мог, я и не знал, что такое молитва, я сказал только два слова, больше я ничего не мог сказать: "Господи! Прости!" И больше ничего, И потихонечку так опять залез на этот стул и сидел. После собрания я вообще не мог понять, что со мной происходит, меня приветствуют, меня целуют, а я не знаю, что это такое. А потом я уже видел, кто покаялся тех святым лобзанием приветствуют уже как детей Божьих. Вот так произошёл мой слом в жизни. А Оля, поскольку она как-то доверяла мне и подражала во многом мне. Как-то братья пригласили в братскую комнату, меня и Ольга там была. И как дело дошло до того, что ей предложили покаяться, просто ей сказали: "Ты могла бы покаяться при наших глазах, чтобы мы видели?" Она встала на колени, тоже сказала какие-то слова, я не помню. И мы стали ходить. И мы стали ходить на собрания. Аккуратно, регулярно, и мне были очень дороги эти собрания, и Оля со мной. И так продолжалось. И я помню, в каком году мы пришли первый раз на собрание. Это был 1978-й год, уже конец года был. И мне уже было почти вот 39 лет, и Ольге 38 лет. И подошло время, когда она умерла, 31 марта.
Теперь параллельно я сейчас затрону ещё одну такую линию в моей жизни. У меня же родные.

Отец и мать, и зять, и сестра, и племянники. И помню, что когда только мы с Олей уверовали, мама моя буквально подняла бунт. Ей очень трудно было смотреть, как я свою жизнь порчу, карьеру себе порчу, стал ходить к каким-то верующим. Она не выдержала, поехала в Москву. А в Москве у меня очень грамотная, очень образованная была тётка Тамара, очень развитая. И она говорит моей матери:

- Мурочка! Это мракобесие.

Мурочка это мою мать звали Мария, Мария Ивановна.

- Мурочка! Это мракобесие. Возьми вот эту литературу, отдай Аркадию, может быть, он образумится.

И она привезла мне из Москвы много литературы. Позвала меня: "Сынок! Давай так договоримся. Вот я ездила к тёте Тамаре, привезла литературу тебе, почитай, может быть, как-то ты образумишься, что-нибудь в твоей душе там произойдет".

Я сразу смекнул и говорю: "Ну хорошо. Давай, только давай так, если у тебя есть интеллектуальная честность, порядочность. Я твоё, а ты моё!" А у меня было старое, старое Евангелие, очень маленькая книжечка, на ладошке умещалось, и там потёртые страницы и порванные. И говорю:

- Хорошо, я у тебя беру вот эту всю литературу.

Всю эту макулатуру я от неё взял.

- А ты только вот эту маленькую книжечку. Я от тебя не беру обязательства, что ты будешь каждый день её читать. Нет, ну я твоё, а ты моё.

Я хочу ещё раз напомнить, друзья, что через неверующих людей действует Бог. Я сейчас прокручиваю плёнку своей жизни и если бы я из этой плёнки убрал бы хотя бы один кадр, я бы здесь сейчас перед микрофоном не сидел бы. Меня бы в Церкви просто не было. Я был бы неверующий и погиб бы в своём неверии. Даже одну мелкую деталь из своей жизни если бы убрал, и вы посмотрите, как Господь использует буквально каждую мелочь моей жизни.

Как она читала, регулярно, нерегулярно, я не знаю. Я даже и не спрашивал у неё, чтобы как-то не лезть ей в душу с этими вопросами. А сам читал её литературу. И она на меня никакого впечатления не производила. Такие там высказывания, что не Бог сотворил человека, а человек сотворил Бога. Это для меня уже были мерзости. Меня Бог сильно и сразу перестроил. Я начал очень активно читать Евангелие, а потом мне захотелось иметь Библию, но в то время иметь Библию это очень нелегко. И я думаю: "Поеду я к священнику, к православному, может быть там как-то приобрету Библию?" Ольгу я уже похоронил. Приехал к этому священнику православному, смотрю, там такая очередь, чуть ли не мавзолейная к нему сидит. Я занял очередь, жду долго. Выходит молодая девица и смотрю, она плачет. Я говорю:

- Что ты плачешь?

Она говорит:

- Мне священник Евангелие не продал.

Но ей Евангелие не продал, а я хочу, чтобы он мне Библию продал. Ну, а что мне терять? Я ничего не потеряю. Очередь моя пришла, я к нему зашёл, смотрю, там сидит такой дядя, спросил он меня о Библии, разговорились, и он как-то не соглашался со мной. Минут 20 я его уговаривал и как-то он всё-таки сломился. Согласился. Потом ручку тыльной стороной, не ладошкой, а тыльной стороной ручку вперёд так подставляет мне, даёт мне знак, чтобы я подошёл и эту ручку поцеловал. Я понял этот намёк. Но раз Библия мне нужна, то ну ладно, поцелую я ему. Подошёл

я эту ручку, лизнул и всё. И он сказал:
- Иди скажи, что "Владыка" разрешил продать Библию.
Мне действительно завернули такую православную зелёную Библию с крестом. Я заплатил уже не помню сколько денег, взял эту Библию, стал её регулярно читать. А теперь хочу ещё и ещё раз вам напомнить, как Бог действует через все наши поступки и направляет к Себе. И чаще всего Он направляет к Себе не через радости, не через наши счастливые дни, нет. Я хочу ещё одно место прочитать из Библии, Екклисиаста 7:14:

> 14 Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него.
> Екклесиаст 7 глава — Библия: https://bible.by/syn/21/7/#14

Во дни несчастье надо размышлять, дни несчастья от Бога, потому что несчастье посылает Бог не для того, чтобы просто нас помучить. Нет! Нет! Ни в коем случае, "то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него". Мы не можем ничего сказать против Него, потому что мы знаем, что через все трудности, через все тяжелые обстоятельства Бог направляет к Себе.
И Ольгу направил через болезнь к Себе, и через её болезнь, через болезнь жены моей, меня к Себе направил. И я это сейчас очень хорошо понимаю, эту истину.
А теперь, поскольку у мамы Евангелие, Господь решил этот процесс приближения её к Богу ускорить. Она была сильной противницей. И Богу пришлось как бы дать ей болячку. Какую болячку? И у неё рак. Она попала в больницу. Я стал её посещать, ходить. Каждый раз я был к маме очень близок. К отцу я как-то не очень, а вот к маме я был очень близок. И каждый день стал ходить к ней, навещать. И в очередной раз, помню, стоим, полумрак вечерний, в коридоре, в углу. Стоим, молчим. Мы когда молчим, мы очень хорошо друг друга понимаем. И она молчит, и внутри себя плачет, и я молчу, мне тоже сумно (грустно, печально - укр.). И стоит, стоит, и вдруг поднимает глаза и говорит:
- Сынок! Я хочу тебе сон рассказать.
- Расскажи.
- Я падаю навзничь. Полный мрак. Падаю назад, и такой страх, во сне этот страх как-то немножко умножается от этого нереального мира, страх очень большой, и страх реальный, и я уже настолько падаю, и вдруг я почувствовала подмышками, что-то мягкое и тёплое. Я почувствовала какие-то руки.
Рассказала мне этот сон и замолчала. Стоит и молчит, и я стою и молчу. Я понимаю, почему молчу. Я-то уже чувствую, что сейчас куда-то разговор пойдёт. Молчала, молчала, потом поднимает глаза и говорит:
- Это Иисус?
- Да!
Если бы вы знали, как она уверовала. Какая её сильная вера была! Куда ушло это безбожие, как утренний туман! Всё это ушло сразу, и как она стала читать Библию регулярно, и как она стала посещать собрания, и Бог продумывает нам всех друзей в нашей жизни, и не только неверующих, нет! И Бог продумывает друзей, когда мы уже верующие.
И Бог послал такую подружку моей маме, что я даже не мог бы сам лучший вариант найти. А её подружкой оказалась Лилия Сергеевна Грачёва. Она жила в Самаре, известный брат её родной

Юрий Сергеевич Грачёв. Если кто знает, он написал книги «В Иродовой бездне", "Герусы" и он сидел в тюрьме несколько лет за Христа. И теперь Бог послал эту подружку ей. Я так благодарил Бога, что Бог очень большое внимание уделил моей маме, когда послал ей такую сестру. Очень крепкой веры она была, она очень образованная, так сказать, на одном уровне они были и не только духовном, но и на уровне образования. У меня мама с высшим образованием, она закончила Запорожский институт, и отец тоже с высшим образованием. У меня мама работала на очень высокой работе. Она сначала работала на заводе Ташсельмаш, руководитель сварочных работ, а потом её перевели в министерство, она была руководитель сварочных работ Средней Азии. Но это очень высокий чин. А Лилия Сергеевна Грачева, я не знаю, по какой линии она, но они очень сблизились, стали подружками.
Теперь я бы хотел ещё немножко обратиться к вам с такой мыслью, чтобы вы немножко времени потратили и плёнку своей жизни прокрутили, и там, где вы имели дни благополучия, и там, где вы поступали неразумно, может быть, сейчас вы просто смотрите, что ну просто, просто какое-то безумие вас посещало, и вы делали какие-то греховные дела. Но я вам скажу, что и через это Бог направлял вас к Себе. И если вы действительно задумаетесь над Словом Божьем, а слово Божие это очень сильное Слово, оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. Кто говорит, и то бывает, чему Господь не повелел быть? Ничего в твоей жизни не было такого, что Господь не повелел. И Он повелевает только для того, чтобы направить тебя к Себе.
Я хотел этот урок предложить сегодня. Как ты этот урок усвоишь? Как ты его приложишь к себе? Насколько у тебя хватит мудрости понять, что это не просто так. Случайного в жизни не бывает. Верующий человек в случайности не верит. Мы все ходим пред Богом, под Богом. И каждый поступок наш Бог использует к тому, чтобы направить к Себе.

Сестра о завершении первой части радиопрограммы: Я сердечно благодарю вас, брат Аркадий Михайлович, за участие в первой части нашей радиопрограммы. То есть мы познакомили наших радиослушателей с вашей личной жизнью, о вашем приближении к Богу вы немножко рассказали нам. А теперь я хотела бы сделать небольшой музыкальный перерыв. Сейчас мы прослушаем гимн «В моём сердце покой». Этот гимн написал брат Аркадий Михайлович. А вы, пожалуйста, подготовьтесь за это время, чтобы рассказать о своём музыкальном творчестве, то есть о служении Богу музыкой.

Пение: «В моём сердце покой»

Брат Аркадий Михайлович: Меня попросили поделиться, как я музыку пишу. Я написал несколько песен, хоров. Сейчас могу поделиться вот каким моментом. Может быть кто-то думает, что музыкальные мыс ли идут постоянно в голову, и успевай только их записывать. Ну может быть у кого-то и так происходит. Кто-то успевает записывать свои мысли, а кто-то и не успевает, и кто-то теряет много мыслей. У меня процесс сочинения происходит совсем не так. Он происходит относительно спокойно, без каких-то особенных переживаний, волнений. Но я как-то себя дисциплинировал в отношении того, чтобы писать музыку. Допустим, у меня никакой музыкальной мысли в голове нет. И всё-таки я приближаюсь к тому, чтобы написать или песню,

или хор. И я вам скажу, как я приближаюсь. Я сначала беру карандаш, заточу его, положу резинку, на пюпитр, на пианино, и всё. Я уже приблизился к тому, чтобы хор написать. Следующий раз, может быть через полчаса или через час, у меня кроме сочинения было очень много работы, я редактировал музыкальные произведения, а это очень много времени, и основное время занимала редакция. Через полчасика я нотную тетрадку положил на пюпитр, и теперь я уже на одну тетрадку ближе к тому, чтобы написать песню или хор. Потом ещё прошло некоторое время, я пишу скрипичный или басовый ключ, пишу акколаду (Акколада — скобка, посредством которой соединяются слева две или несколько систем нотных линий, которые играются одновременно одним или несколькими инструментами.) и когда Бог видит мое желание, что я не ленюсь, что я себя дисциплинирую в этом отношении, откуда появляется мысль – это никто не знает. Вдруг появляется какая-то мысль – я её записываю. Если мысль эта музыкальная не до конца, ну хотя бы несколько ноток, хотя бы представить себе в какой тональности это может звучать самая высокая нота, самая низкая, но я ориентировочно какую-то тональность избираю, может быть я её потом поменяю, через некоторое время, может быть через полчаса, через час, где-то может быть уже несколько тактов. Потом смотришь уже какая-то мелодия появилась и чаще всего, то что у меня сразу появилось на нотах это не окончательный вариант. И я уже для себя понял, что не надо останавливаться на первом варианте. Утром я опять обращаюсь к этой мелодии, смотрю, мне вот эта нотка не нравится. Я её поменял. Через некоторое время я осмотрю, что от первой мелодии вообще уже мало что осталось. И у меня, и уже знают те, которые со мной дело имеют, что у меня всё время есть тяга к тому, чтобы улучшить то, что уже написано. Допустим уже готова песня, и всё равно я делаю второй вариант песни. Если нужно, делаю третий вариант песни. И то же самое в отношении хора. И где-то уже внутри я себе говорю: "Всё! Больше я тут ни одной ноты не исправлю, вот это уже окончательный вариант". Я просто рассказал о том, как у меня идёт процесс сочинения. И главным образом эту мысль я хочу передать, что если нет в голове мысли, ну чтобы Бог видел твоё желание, положи карандаш, резинку, бумагу, и Бог даст мысль, а потом начинай работать. Я себя так дисциплинирую и слава Богу пока до этого момента получалось у меня сочинение. Если Бог увидит мое желание дальше сочинять, и дальше мне будет посылать мелодии. Ведь это Бог посылает мелодии, они не сами откуда-то там появляются. И мысли даёт Бог, и музыкальные мысли даёт Бог.

Вопрос сестры: Вы можете назвать пару гимнов, которые вы написали?

Аркадий Михайлович: Ну какие? Там не парочка, у меня там много напечатанных в экспресс-информациях, есть и известные песни. "В небесах, дом родной". И в оркестре играют, и так на похоронах я слышу иногда эту песню поют. "В моём сердце покой" - молодёжная песня. А хоров там несколько десятков, я всех и не припомню. Ну мне было немножко неожиданно, когда были похороны Геннадий Константиновича и предложил Евгений Никифорович Пушков спеть всем вот эту песню «В небесах дом родной», мою песню. Но я первый раз её услышал в таком пении, в массовом. Я не знаю сколько там людей было, может быть тысяча, может быть больше. И мне было так приятно то, что без всяких сборников, просто люди помнят слова, помнят мелодию. И я понял, что мне нужно продолжать писать, и что Бог дал мне эту способность, и это получается, и

это моё служение Богу. Это моё служение Церкви, и я это продолжаю сейчас делать.

Сестра: Аркадий Михайлович, давайте мы прослушаем этот гимн «В небесах дом родной и отчизна моя».

Пение: «В небесах дом родной и отчизна моя»

Брат Аркадий Михайлович: У меня несколько лет был перерыв в сочинении. Я жил в Ростове четыре года, и там за четыре года много написал, а потом, когда уехал с Ростова, и как-то бросил писать. Я бы сейчас не мог объяснить, на какой почве. И несколько лет я не писал. А потом меня один человек немножко пристыдил, как бы:
- Ну что ж ты?! Писал-писал, у тебя получалось. И теперь как-то вдруг ты бросил?
Немножко пристыдил. А потом и другая сестра так же. И я говорю:
- Да, что ж у меня такой возраст, что ж я под занавес жизни опять писать буду? Да у меня, может так и не получится?
Она меня пристыдила через слово Божье.
- А написано, что последние дела больше первых.
Это меня сильно затронуло, не столько слова брата, сколько Божьи Слова, слова человеческие не так доходят до сердца, а когда она мне только сказала, что последние дела больше первых, это Бог обещает, что твои последние дела будут больше первых, что твои последние сочинения будут больше первых, но это меня там хорошо пробрало. И я опять начал писать, и с тех пор я уже написал больше 20 произведений. Но если Бог даст способность, насколько Бог даст способность и здоровье, думаю продолжать это делать.

В заключение пожелание сестры: Бог вам в помощь, Аркадий Михайлович, в этом вашем труде.

Аркадий Михайлович Гантовник (1940 - 2023)

Архив музыкальных произведений. Композитор Гантовник А.М.

Комментарии
